

DOI: 10.31857/S013038640020245-7

© 2022 г. М.Д. БУХАРИН

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА КОНЦА 1930-х – НАЧАЛА 1940-х годов: МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ И ХИМЕРЫ ИЗОЛЯЦИИ

Бухарин Михаил Дмитриевич — действительный член РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: michabucha@gmail.com

Scopus Author ID: 16308918000; ORCID: 0000-0002-3590-016X; Researcher ID: R-9643-2017

Аннотация. В конце 1930-х – начале 1940-х годов европейская наука, как и иные сферы общественной жизни, погружается в период региональной изоляции, разрыва налаженных международных связей: информация циркулировала с большими затруднениями, проверка ее надежности была затруднена. В результате место достоверных и верифицируемых сведений занимали слухи. Характерным примером явилась попытка празднования 70-летнего юбилея крупнейшего историка первой половины XX в. М.И. Ростовцева (1870–1952), жившего и работавшего в США. В преддверии юбилея в среде историков-эмигрантов Восточной и Юго-Восточной Европы распространились слухи о смерти Ростовцева. Не имея возможности ни проверить сообщения о его кончине, ни удостовериться в том, что Ростовцев жив, европейская наука отказалась как от празднования юбилея, так и от проведения мемориальных заседаний. Возможно, слухи о кончине М.И. Ростовцева распускал директор пражского Института им. Н.П. Кондакова в 1939–1945 гг. Н.Е. Андреев, который хотел таким образом избежать необходимости привлекать европейскую и североамериканскую научную общественность к чествованию М.И. Ростовцева, что вызвало бы необходимость публично прибегать к поддержке пронацистских властей Протектората Богемии и Моравии, от которых зависела деятельность института. В течение всего военного периода коллеги не имели возможности знакомиться с работами друг друга. В послевоенный период структура европейской науки не вернулась к точке начала кризиса конца 1930-х годов. Новая трансформация была обусловлена переделом сфер влияния в Центральной и Восточной Европе и формированием новых барьеров на путях научной коммуникации.

Ключевые слова: гуманитарные науки, ученые, научная политика, международное сотрудничество, М.И. Ростовцев, русская эмиграция, европейские страны.

M.D. Bukharin

European Historical Science of the Late 1930s – Early 1940s: International Connections and Chimeras of Isolation

Mikhail Bukharin, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: michabucha@gmail.com

Scopus Author ID: 16308918000; ORCID: 0000-0002-3590-016X; Researcher ID: R-9643-2017

Abstract. In the late 1930s and early 1940s, European science plunged into a period of regional isolation and the breakdown of established international ties. As a result, rumour replaced reliable verifiable information. A notable case in point was the attempt to celebrate the 70th anniversary of M.I. Rostovtzeff (1870–1952), a prominent historian of the first half of the twentieth century, who lived and worked in the United States. In the run-up to the anniversary, rumours of the death of Rostovtzeff began to circulate among immigrant historians in Eastern and Southeastern Europe. Unable either to verify reports of his

death or to verify that Rostovtzeff was alive, European academic community declined both to commemorate the anniversary and to hold memorial events. Perhaps it was the director of the Kondakov Institute in Prague in 1939–1945, N.E. Andreev, who disseminated rumours about the death of M.I. Rostovtzeff, thus trying to avoid involving the European and North American academic community in the celebration, which would have necessitated publicly soliciting the support of the pro-Nazi authorities of the Protectorate of Bohemia and Moravia, on which the Institute depended. Throughout the period of the II World War, colleagues could not get acquainted with each other's work. In the post-war period, the structure of European science did not return to the point of the beginning of the crisis of the late 1930s. The new transformation was due to the redistribution of spheres of political influence in Central and Eastern Europe and the formation of new barriers to scientific communication.

Keywords: humanities, scholars, academic policy, international cooperation, M.I. Rostovtzeff, Russian emigration, European countries.

Наука принадлежит к числу тех явлений человеческой культуры, которые не развиваются усилиями отдельно взятых лиц: в том или ином виде каждый профессиональный научный работник, даже работающий индивидуально, прямо или опосредованно взаимодействует со своими предшественниками или современниками. Всякая научная деятельность встроена в систему взаимоотношений – личных, институциональных, концептуальных – так называемую «сеть». Понятие «сети» в реконструкции и анализе прошлого и настоящего науки стало в настоящий момент одним из определяющих. Анализ формирования и развития сетей научного взаимодействия в глобальном масштабе в Новое и Новейшее время привел к выявлению и других особенностей современной науки, которые принято описывать такими категориями, как «движущиеся метрополии», «полицентрические коммуникационные сети», которые подчеркивают взаимосвязанность и меняющиеся отношения власти и влияния научной деятельности во всем мире¹. История мировой науки XX в. рассматривается в настоящее время в категориях отхода от «бинарного» и «детерминированного» понимания истории имперской науки и понимания отношений науки и государства «условными, недетерминированными и нестабильными способами»². «Сети» стали ключевой темой в написании истории науки, однако сами они не получили такого же критического анализа и в результате могут показаться всеобъемлющими, абстрактными, а история их функционирования – беспроблемной³.

Период 1920–1930-х годов в европейской науке пришелся на то время, когда континентальные империи Европы – Российская, Австро-Венгерская, Германская, Османская – прекратили свое существование. В период распада глобальных империй значительно возрастает шанс на появление «движущейся метрополии»⁴, когда центры научной деятельности перемещаются или создаются по мере изменения политических, экономических и научных отношений. Одной из таких метрополий стала Прага, положение которой как европейского научного центра значительно укрепилось за счет новых волн научной эмиграции из Советской России. Создание сетей научного взаимодействия стало для русской эмигрантской (и не только пражской, конечно⁵) научной общественности

¹ *Petitjean P.* Science and the “Civilizing Mission”: France and the Colonial Enterprise // *Science Across the European Empires 1800–1950* / ed. B. Stutchey. Oxford, 2005. P. 107–128.

² *Bennett B.M., Hodge J.M.* Science and Empire: Knowledge across the British Empire, 1800–1970. Basingstoke, 2011. P. 13–16.

³ *Chakrabarti P., Worboys M.* Science and Imperialism since 1870 // *The Cambridge History of Science* / eds H. Slotten, R. Numbers, D. Livingstone. Vol. 8. Modern Science in National, Transnational, and Global Context. Cambridge, 2020. P. 12.

⁴ *MacLeod R.M.* On Visiting the “Moving Metropolis”: Reflections on the Architecture of Imperial Science // *Historical Records of Australian Science*. 1982. Vol. 5. № 3. P. 1–2.

⁵ См., например: *Fátima Nunes M. de.* The History of Science in Portugal (1930–1940): the Sphere of Action of a Scientific Community // *E-Journal of Portuguese History*. 2004. Vol. 2/2. P. 1–17.

не просто способом вести свою профессиональную деятельность⁶, но и в какой-то степени способом отстоять свою национальную и культурную идентичность⁷ и даже осуществления мессианских устремлений⁸.

Слом системы взаимодействия, разрыв налаженных связей неминуемо и очень быстро отражался на деятельности всей научной сферы. Одним из факторов, нанесших глобальной науке XX в. первый сильнейший удар, была Первая мировая война, в значительной степени подорвавшая сложившуюся структуру международного научного взаимодействия. На этот удар наложились российские революции 1917 г., приведшие к слому одной из наиболее успешных систем научной деятельности и ее выходу из привычной схемы международного научного взаимодействия. Эта схема функционировала на различных уровнях: институциональном, личном, исследовательском⁹.

В XXI столетии поддерживать сети взаимодействия в рабочем порядке, казалось бы, несложно. Использование цифровых средств связи стало уже обыденным делом. В доцифровую эпоху, в том числе в межвоенный период, поддержание сетей научного взаимодействия в рабочем состоянии зависело от более традиционных способов: собраний с личным присутствием и переписки. Именно протоколы таких собраний и эпистолярные документы дают возможность восстановить с наибольшей точностью механизм создания, функционирования и разрыва международных научных связей в глобальной науке в целом и в европейской в частности в доцифровую пору.

Сильнейшая зависимость науки от политической ситуации в СССР давно стала общим местом. СССР второй половины 1930-х годов все более закрывался от внешнего мира¹⁰, поддержание отношений с иностранными коллегами для советских ученых становилось не просто сложным, но и опасным для жизни. Так, научное сотрудничество с германскими коллегами стоило жизни выдающемуся византинисту-правоведу, историку церкви В.Н. Бенешевичу¹¹. Между тем расщепление научного пространства на отдельные кластеры, их нарастающая изоляция стали отчетливым трендом развития всей европейской науки второй половины и особенно конца 1930-х годов. Объяснение этим процессам лежит на поверхности: разделение Европы на враждующие политические лагеря и минимизация контактов. Наиболее заметно это явление становится при реконструкции попыток преодолеть эти барьеры. Показательным примером является жизнь русской эмигрантской науки в Центральной и Юго-Восточной Европе, которая пыталась сохранить налаженные международные связи на рубеже 1930–1940-х годов. Институциональная координация исследовательской деятельности стала невозможной, личные контакты практически прекратились, а обмены свелись к минимуму, произошел отрыв от тех источников информации, которые были доступны в результате реализации первых двух составляющих: от библиотек, архивов, содержащих собственно объекты исследования и исследовательскую литературу.

В конце 1940 г. мировая научная общественность готовилась отметить 70-летний юбилей выдающегося историка, археолога, искусствоведа, яркого общественного деятеля профессора Йельского университета Михаила Ивановича Ростовцева (1870–1952), день

⁶ См. подробнее: *Ковалев М.В.* «На этих съездах мы растем и в своих, и в чужих глазах...». Из истории научных коммуникаций русской эмиграции (1921–1930) // *Россия XXI*. 2013. № 5. С. 84–107.

⁷ *Дмитриев А.Н., Свешников А.В.* Образование и наука // *Всемирная история*: в 6 т. 2-е изд. Т. 6. Кн. 1. Мир в XX веке: эпоха глобальных трансформаций. / отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2019. С. 221.

⁸ Духовные задачи русской эмиграции (от редакции) // *Путь*. Орган русской религиозной мысли. 1925. № 1. С. 3.

⁹ См. теоретические обобщения: *Дмитриев А.Н., Свешников А.В.* Указ. соч. С. 199–200.

¹⁰ См., например, для политически не столь ангажированной медиэвистики: *Клюев А.И., Свешников А.В.* Миграция или эмиграция о географической мобильности советских медиэвистов в 1920–1930-е гг. // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. 2013. Вып. 45. С. 138.

¹¹ См.: *Ананьев В.Г., Бухарин М.Д.* «Все горе в звериной ненависти к византиноведению...»: В.Н. Бенешевич и Академия наук СССР в 1933–1937 гг. // *Византийский временник*. 2019. Т. 103. С. 314–340.

рождения которого приходился на 10 ноября. Между тем по Праге поползли слухи о кончине Ростовцева. Так, секретарь Русского исторического общества в Праге извещал письмом профессора Карлова университета Е.А. Ляцкого об этом печальном событии.

№ 1

Н.Ф. Новожилов – Е.А. Ляцкому
Русское историческое общество в Праге
Praha II, Příčná 2.
26. XI. 1940.

Глубокоуважаемый Евгений Александрович,

газеты принесли весть о смерти Михаила Ивановича Ростовцева, величайшего из современных историков, и Николая Карловича Кульмана¹², очень заметного работника в области истории русского языка, его методики и истории русской словесности. Не считаете ли Вы благопотребным устроить в Историческом обществе вечер, посвященный его памяти? Общество раньше всегда устраивало такие вечера.

Пользуясь случаем, приписываю несколько строк о Всеволоде Васильевиче¹³. Он очень плох и исхудал, [неразборчиво] совсем жизни непричастным. Был я у него дважды на этих днях. В последнее мое у него посещение сказал он мне, что Вы как-то сказали ему о вине – хорошем, что оно помогает. Вот он и просил меня сказать Вам, что теперь он с радостью принял бы от Вас в подарок хорошую бутылочку вина типа мадеры, марсалы или портвейна, ибо его доктор, только что у него побывавший, разрешил ему и вино, и водку, и пиво. Но из всех сих напитков ему предпочтительнее пить вино и, памятуя о Вашем предложении, он и просил Вам меня напомнить ему.

Будьте здоровы! Привет сердечный Веры Павловны.

Преданный Вам Ник. Новожилов.

Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 259. Л. 8–8 об. Автограф.

Интересно, что за две недели до написания этого письма 8 ноября 1940 г. Новожилов писал Ляцкому об идее отметить 70-летний юбилей философов И.И. Лапшина и Н.О. Лосского¹⁴, однако кандидатура Ростовцева – куда более крупной фигуры – в данном контексте не обсуждалась.

Сообщение о кончине М.И. Ростовцева не могло не «наделать шума» в научной среде, тем более в среде русской эмигрантской исторической науки, неотъемлемой частью которой он являлся. В течение декабря 1940 – января 1941 г. сведения о его кончине не просто циркулировали среди коллег – они так и не были никем и ничем опровергнуты. Пражские ученые предпринимали серьезные усилия для организации конференции памяти якобы почившего Ростовцева.

Показательно для характеристики ситуации в научной сфере письмо историка, археолога Д.А. Расовского профессору Славянского университета, председателю Русского исторического общества А.В. Флоровскому, написанное из Белграда. В нем Расовский,

¹² Кульман Николай Карлович (1871–1940) – филолог, литературовед; профессор Александровского лицея, Женского Педагогического института, Высших Бестужевских и Военно-педагогических курсов; с 1919 г. – в эмиграции, профессор Белградского и Софийского университетов, профессор (1923), декан (1928) Русского отделения историко-филологического факультета Сорбонны, профессор Свято-Сергиевского богословского института в Париже (1925); о нем см.: Янченко В.Д. Николай Карлович Кульман (к 135-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2006. № 5. С. 46–49.

¹³ Саханев Всеволод Васильевич (1885–1940) – историк, археолог, географ, член Русского исторического общества.

¹⁴ Архив Российской академии наук (далее – Архив РАН). Ф. 1609. Оп. 1. Д. 259. Л. 7.

с одной стороны, выражает надежду на то, что М.И. Ростовцев жив и здоров, и основанием для такой надежды служит не наличие соответствующей информации, а отсутствие данных о его кончине в иностранных газетах, которые, вероятно, в Белград поступали. С другой стороны, Расовский утверждает, что в условиях войны никакое объединение ученых даже по случаю кончины коллег невозможно, причем невозможным оно было уже в конце 1930-х годов, когда скончался искусствовед византинист Д.В. Айналов (1862–1939), о смерти которого говорит Расовский.

№ 2

Д.А. Расовский – А.В. Флоровскому

24 января 1941 г.

Многоуважаемый Антоний Васильевич,

Спасибо за поздравления к Новому году, желаю и Вам всего самого хорошего. Посылаю Вам оттиски своей статейки из одного болгарского сборника и рецензии из XI^{го} тома «Анналов» Института. Теперь набираем XII^{ый} том. Так как иностранная печать ничего не пишет о Ростовцеве, то мы надеемся, что он жив и здравствует. Во всяком случае, никакого сборника ни в честь, ни в память Михаила Ивановича сейчас было бы невозможно издать, так как имя Ростовцева обязывало бы к привлечению ученых из всех стран, а пока длится война – это невозможно. По той же причине пришлось отказаться и от сборника в память Айналова.

Желаю Вам всего хорошего.

Искренне уважающий Вас Дм. Расовский.

Г.А. Острогорский сам просит передать Вам свой поклон.

Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 383. Л. 6–6 об. Автограф.

Тогда как в Белграде сведения о кончине М.И. Ростовцева в конце января 1941 г. вызвали сильнейшие сомнения, в Праге ситуация была иной: не имея определенных сведений и полагаясь на сообщения «газет», на повестке дня стоял вопрос об организации конференции памяти Ростовцева. Так, 27 января 1941 г. директор Института им. Н.П. Кондакова Н.Е. Андреев на бланке Института отправил Флоровскому следующий запрос:

№ 3

Н.Е. Андреев – А.В. Флоровскому

Прага, 27 января 1941 г.

Глубокоуважаемый Антоний Васильевич,

Институт предполагает устроить заседание памяти М.И. Ростовцева (место и срок не установлены, вероятно, в конце марта). Позволю себе обратиться к Вам с просьбой сделать сообщение на этом заседании на тему «М.И. Ростовцев как историк». Мы думаем, что доклад может быть примерно на полчаса. Предполагается, что П.Н. Савицкий¹⁵ прочитает о М.И. как о кочевниковеде, Е.И. Мельников¹⁶ как об археологе (возможно, что И.И. Мысливец¹⁷ скажет несколько слов о М.И. как об историке искусства), а я несколько фраз о М.И. как члене института.

Очень надеемся, что Вы, Антоний Васильевич, найдете возможность, несмотря на свою занятость, принять участие в поминовении Михаил Ивановича.

Прошу Вас принять уверения в глубоком моем уважении.

Искренне Вам преданный

¹⁵ Савицкий Петр Николаевич (1895–1968), общественный деятель, философ, культуролог.

¹⁶ Мельников Евгений Иванович (1909–?), археолог, искусствовед, доктор философии Карлова университета в Праге.

¹⁷ Вероятно, имеется в виду: Мысливец Йозеф (1907–1971), чешский византинист, искусствовед, писатель.

Ник. Андреев.

Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 120. Л. 3. Машинопись, подпись от руки.

В левом верхнем углу рукой Флоровского: отвечено 1. II. 41. Согласен.

В этом документе обращают на себя внимание следующие обстоятельства. Институт им. Н.П. Кондакова продолжал работу в условиях военного времени. Предыдущее письмо Н.Е. Андреева от 4 октября 1940 г.¹⁸ также было посвящено анонсу доклада берлинского ученого – Р. Редлиха¹⁹ «Иконография Христа на саркофагах III–IV вв.», на который был приглашен Флоровский. И другие письма Н.Е. Андреева Флоровскому этого же времени были посвящены приглашению на доклады или просьбам сделать доклад²⁰ или подать статью в издание Института им. Н.П. Кондакова²¹.

Трагикомический характер этим документам придает повод, по которому весь цвет пражской исторической науки собрался устроить заседания – не юбилей (10 ноября 1940 г. Ростовцеву исполнилось 70 лет), а, судя по формулировкам, предполагаемая кончина М.И. Ростовцева и его поминовение. Скончался М.И. Ростовцев лишь в 1952 г.

Еще более странной эта ситуация выглядит в свете воспоминаний самого Н.Е. Андреева, в которых этот эпизод передан следующим образом: «В конце 1940 и в начале 1941 года Морпер²² был даже несколько опасен для нас, потому что носился с идеей составить от имени Кондаковского института сборник в честь 70-летия Ростовцева, который находился в США (войны с США [тогда еще] не было). Он говорил, что хорошо бы создать международный сборник, чтобы в нем приняли участие ученые из разных стран, и что это был бы знак благодарности великому ученому от Европы. Я с ужасом отнесся к его идее: мне казалось совершенно нежелательным и даже опасным публиковать что-либо, поскольку мы уже находились в состоянии войны с западными демократиями. Создалось бы впечатление, что мы ориентированы пронемецки. Я решил всеми силами тормозить осуществление такого сборника, тем более что было совершенно неизвестно, как отнесся бы к нему сам Михаил Иванович Ростовцев, сношения с которым, как и с его ассистентом Толлем, становились все более редкими и отчужденными. Идея такого “фестшрифта” была опасна, но в целом все шло хорошо, потому что Морпер создал невидимый для нас, но ощутимый источник благорасположения к нам управления протектората»²³.

Сложилась следующая ситуация: надвигался юбилей М.И. Ростовцева, не заметить который было невозможно. В Институте им. Н.П. Кондакова немецкий искусствовед Морпер «носился» с идеей опубликовать том в честь юбилея. Морпер имел тесные и достаточно дружественные связи с руководством Протектората, и публикация такого сборника могла бы создать впечатление, что Институт тесно сотрудничает с властями. Именно этого, вероятно, стремился избежать директор института Н.Е. Андреев. Можно предположить, что ссылка на газеты, которые якобы сообщили о кончине М.И. Ростовцева и на которые ссылается Н.Ф. Новожилов в письме к Е.А. Ляцкому, – провокация самого Андреева, предпринятая с тем, чтобы отложить публикацию тома в честь 70-летия Ростовцева. В условиях военного времени, когда многие привычные связи оборваны, проверить достоверность тех или иных сведений даже в узком кругу историков-эмигрантов не представлялось возможным.

¹⁸ Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 120. Л. 2.

¹⁹ Редлих Отто Райнхард (1858–1944) – австрийский историк и архивист.

²⁰ Например: Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 120. Л. 4.

²¹ Например: Там же. Л. 5 от 20 марта 1941 г., Л. 6 от 5 мая 1941 г., Л. 7 от 22 мая 1941 г. (упоминается «арабский доклад» Флоровского).

²² Возможно, имеется в виду Морпер Йоган Йозеф (1899–1980) – немецкий историк искусства и архитектуры.

²³ Андреев Н.Е. То, что вспоминается: из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева (1908–1992). СПб., 2019. С. 443.

Вполне возможна такая последовательность событий, которая позволила бы Н.Е. Андрееву достичь поставленной цели: он мог сообщить Н.Ф. Новожилову со ссылкой на некие газеты о кончине Ростовцева. Это дало бы повод отложить мобилизацию научной общественности на издание юбилейного тома в честь его 70-летнего юбилея. Подготовка такого издания, действительно, могла бы создать впечатление у его участников, что деятельность Института им. Н.П. Кондакова и пражской научной среды в целом патронируется пронацистским протекторатом. Создав ситуацию непонимания в отсутствие достоверных сведений о М.И. Ростовцеве, Н.Е. Андреев как директор института мог настоять на том, что в условиях информационного вакуума издать *Festschrift* или опубликовать *Gedenkschrift* небезопасно с точки зрения репутационных издержек. Оперативно проверить, жив ли Ростовцев, пражские ученые не могли.

Возможно, конечно, и то, что, пойдя на поводу у непроверенных слухов, распространенных газетчиками, и попав впросак с организацией научно-поминального вечера в 1941 г., Н.Е. Андреев решил приукрасить этот эпизод в своих воспоминаниях.

С другой стороны, М.И. Ростовцев был известен своей последовательной антигитлеровской антивоенной позицией, и издание сборника в честь юбилея М.И. Ростовцева в Праге в 1941 или в 1942 г. могло бы как раз укрепить репутацию пражских историков – инициаторов и исполнителей такого общеевропейского проекта как борцов с тоталитарными режимами и союзников не только такого яркого ученого, но и активного общественного деятеля, каким был М.И. Ростовцев. Сложилась бы еще более парадоксальная, практически абсурдная ситуация: с подачи властей Протектората Богемии и Моравии Институт им. Н.П. Кондакова издает том – уже не важно в память или в честь – ученого, известного своим яркой антигитлеровской и антисталинской позицией. Подобное издание могло спровоцировать волну репрессий уже против самих организаторов такого начинания. Вероятно, именно таких репрессий и опасался Н.Е. Андреев – закрытия института и потери личной свободы.

Интересно, однако, что и о жизни и деятельности кондаковского института за пределами Чехословакии, например в Великобритании, информации практически не было. Показательно, что в письме от 31 мая 1941 г. крупный скифолог, друг и коллега Ростовцева Э.Х. Миннз пишет Михаилу Ивановичу: «Что стало с кондаковцами в Праге и Белграде, конечно, не знаю»²⁴. Военный период был для Ростовцева в целом весьма непростым. Так, в письме к писательнице А.В. Тырковой-Вильямс от 21 декабря 1940 г. Ростовцев признавался: «Мой крест – не знаю, как это формулировать – мнительность, что, впрочем, есть животный страх смерти (разумом я смерти не только не боюсь, но даже часто желаю ее). От времени до времени я лежу в кресле и не могу в себе пробудить ни малейшего интереса к жизни»²⁵. Ученый, привыкший к масштабным проектам всемирного значения, страдал от мелкотемья, но признавался, что именно такие мелочи являются для него едва ли не единственным стимулом продолжать жить и действовать: «Вот какими путями мы занимаемся. Но без этого и жить было бы не в силу», – писал он Миннзу 12 мая 1941 г.²⁶ И далее в письме к А.В. Тырковой-Вильямс от 3 июля 1941 г. Ростовцев снова обращается к теме смерти: «С этим уйду – надеюсь, скоро – в небытие и перестану

²⁴ Цит. по: *Бонгард-Левин Г.М., Бухарин М.Д., Тункина И.В.* Скифский мир М.И. Ростовцева и Э.Х. Миннза // *Парфянский выстрел* / ред. Г.М. Бонгард-Левин, Ю.Н. Литвиненко. М., 2003. С. 512. Краткие сведения о драматической судьбе Института им. Н.П. Кондакова в Белграде Миннзу сообщил тот же Ростовцев в ответном письме от 14 июля 1941 г. Источником этих сведений, вероятно, послужила информация от Н.П. Толля – заместителя директора Института им. Н.П. Кондакова до 1948 г. (см.: публикацию: Там же. С. 512–513).

²⁵ Цит. по: *Бонгард-Левин Г.М., Тункина И.В.* Письма М.И. Ростовцева А.В. Тырковой-Вильямс и Г. Вильямсу // *Скифский роман* / ред. Г.М. Бонгард-Левин. М., 1997. С. 499.

²⁶ Цит. по: *Бонгард-Левин Г.М., Бухарин М.Д., Тункина И.В.* Указ. соч. С. 512.

быть nuisance²⁷ себе и другим»²⁸. Возможно, именно такие сентенции в письмах к близким друзьям, переданные не очень точно, привели к рождению слуха о том, что Ростовцев ушел из жизни, или к мысли о возможности использовать эту выдумку, которая не вызвала бы у коллег заведомого недоверия.

Можно лишь предположить, что если история с кончиной Ростовцева в 1940 г. не является от начала и до конца провокацией Н.Е. Андреева, то первоисточником информации, искаженной и ставшей одним из источников выдумки о кончине М.И. Ростовцева, послужил Н.П. Толль (1894–1985) – историк, археолог, коллега М.И. Ростовцева по экспедиции в Дура-Эвропос в 1934–1937 гг., с 1939 г. работавший вместе с Ростовцевым в Йельском университете и до 1948 г. числившийся вице-директором Института им. Н.П. Кондакова.

Именно об этом писал в воспоминаниях Н.Е. Андреев, характеризуя отношения с Ростовцевым и Толлем в конце 1940 – начале 1941 г. как «все более редкие и отчужденные»²⁹.

Уровень трансграничной научной коммуникации в военное время был столь слаб, а возможность проверки достоверности поступающей информации столь ничтожны, что слух о кончине Ростовцева, пущенный в газетах или распространенный Н.Е. Андреевым (если верно предположение о его сознательной провокации), был принят за правду, а судьба одного из ведущих научных учреждений Европы в области исторических наук, действовавшего в двух столицах, оставалась неизвестной для ведущего английского историка.

Между тем, в то время как пражские и белградские коллеги не могли разобраться в том, жив М.И. Ростовцев или нет, на другом «островке» европейской науки готовились отмечать его юбилей. Приблизительно в то же время, на которое выпала переписка пражских и белградских коллег по данному вопросу, Болгарская академия наук отправила Ростовцеву письмо, в котором поздравляла своего члена-корреспондента с юбилеем.

№ 4³⁰

Болгарская академия наук – М.И. Ростовцеву

София, 5 ноември 1940 г.

До Господин проф. Михаил Г. Ростовцев

Невъ-Хавенъ-Америка

Високоуважаеми Господинъ Професоре,

Българската академия на наукитѣ и изкуствата съ голема радостъ Ви поднася, по случай на Вашата 70-годишнина, найсърдешни поздрави и благопожелания.

Вашата досегашна обширна всеобемаща дейностъ в областѣта на класическата древностъ заслужено Ви е спечелила всесвѣтска известностъ и най-голъма почитъ между ученитѣ на цѣлия културенъ свѣтъ. Вашето грандиозно научно творчество ни изпълва съ голъма къмъ Васъ благодарностъ особено в това отношение, че то засѣгнало историята и археологията и на българскитѣ земи, чрезъ което е дало тласъке и на изследванията на българскитѣ специалисти въ тая научна областъ.

Българската академия на наукитѣ и изкуствата пожелава отъ сърдце на своя именитъ дописенъ членъ бодростъ и здраве³¹, за да можете още дълги години да творите и да дарите на науката, на която сте посветили живота си, още много ценни трудове.

Секретаръ:

(Проф. П. Стояков)

Председателъ:

(Б. Финовъ).

²⁷ Обуза (франц.).

²⁸ Цит. по: Бонгард-Левин Г.М., Тункина И.В. Указ. соч. С. 499.

²⁹ Андреев Н.Е. Указ. соч. С. 443.

³⁰ Публикуется по старой болгарской орфографии (до реформы 1945 г.).

³¹ В тексте «ддраве» – очевидно, опечатка.

Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-8091. Оп. 110. Д. 10. Л. б.н. Автограф. Подписи от руки.

Научный архив БАН. Ф. 28к. Д. 312. Л. 7. Автограф. Подписи от руки.

Сам по себе этот документ не особенно примечателен: научное учреждение чествует юбиляра. Однако это чествование имело свою предысторию. За год до юбилея М.И. Ростовцев получил письмо от старого друга и коллеги, действительного члена Болгарской академии наук Г.И. Кацарова, в котором тот вместе с другими коллегами поздравлял юбиляра с днем рождения. Сохранилось ответное письмо, которое проясняет контекст.

№ 5

М.И. Ростовцев — Г.И. Кацарову

M. ROSTOVTZEFF

YALE UNIVERSITY

DEPARTMENT OF CLASSICS

BOX 1916, YALE STATION

NEW HAVEN, CONNECTICUT

13 декабря 1939.

Доброго Нового Года!

Дорогие друзья,

Большое Вам спасибо за Ваше трогательное приветствие. Оно пришло на год раньше. Джонсон³² неправильно вычислил мой возраст, но, как бы то ни было, оно было мне очень дорого. Вы знаете, с какой симпатией я отношусь к Вашей родине и как высоко я ценю Ваши работы и Вашу деятельность. Дай Бог, чтобы гроза поскорее прошла, и мы могли бы опять увидеться и поговорить об интересующих нас предметах. Еще раз большое спасибо.

Ваш М. Ростовцев.

ГАРФ. Ф. Р-8091. Оп. 110. Д. 10. Л. б.н. Автограф. Подписи от руки.

Тот факт, что выдающему ученому Михаилу Ивановичу Ростовцеву в течение одного года (с конца 1939 по начало 1941 г.) довелось пережить несвоевременный юбилей и преждевременные поминки, можно объяснить только полным разрывом коммуникаций внутри научной среды как на институциональном уровне, так и на уровне личных контактов. Ученые в США, Чехословакии, Болгарии, Югославии, Великобритании оказались разобщены, лишены надежных средств коммуникации. Место достоверной информации в таких условиях быстро заняли слухи и домыслы.

Фактически коллеги не имели достоверных сведений друг о друге на протяжении нескольких лет. Завершение Второй мировой войны дало возможность поставить вопрос о восстановлении прежних связей.

Одним из определяющих факторов в развитии европейской науки середины 1940-х годов явилось распространение доминирующего влияния СССР на страны Центральной и Восточной Европы. Как пишет Т.А. Покивайлова, сразу после завершения Второй мировой войны «были сформированы и приведены в действие разнообразные механизмы обеспечения информационной блокады. К ним следует отнести, в первую очередь, такие как цензура, глушение радиопередач, ограничение и затем пресечение контактов и связей как личных, так и производственных с гражданами и представительствами, прежде всего западных стран, запрещение въезда и свободного передвижения иностранцев по

³² Имеется в виду Элвин Джонсон (1874–1971) – американский экономист и общественный деятель, первый директор Новой школы социальных исследований (The New School for Social Research), способствовавший эмиграции многих ученых из Европы с Северную Америку. См.: Coser L.A. Refugee Scholars in America. Their Impact and Their Experiences. New Haven, 1984. P. 102–109.

территории, максимально жесткое ограничение возможностей их общения с гражданами стран региона, закрытие границ и т.п. В этой широкой системе запретительных мер первостепенное значение отводилось политической цензуре, как одному из важнейших инструментов идеологического контроля, борьбы с инакомыслием и средству формирования общественного мнения в нужном для компартий и партийно-государственного аппарата идейно-политическом направлении»³³.

Завершение мирового военно-политического кризиса середины 1930-х – середины 1940-х годов не привело к возврату системы международного научного сотрудничества к той точке, в которой довоенный status quo был нарушен. Новая политическая обстановка обусловила то, что вместо восстановления старых связей пришлось строить новые и на институциональном, и на личном уровне. Анализ одного из эпизодов в развитии европейской науки XX в. – деятельности российской эмигрантской исторической науки по обе стороны Атлантики показывает, что развивалась мировая наука отнюдь не линейно.

В этой связи судьба А.В. Флоровского – одного из действующих лиц истории с несостоявшимися поминками М.И. Ростовцева – в послевоенный период является исключением. Новая сила – советская наука – проявила интерес к его деятельности, что дало ему возможность начать и осуществить процесс научной репатриации, при этом надежды на спасение Института им. Н.П. Кондакова оказались тщетными: советские власти в нем не нуждались. Судьба Н.Е. Андреева оказалась более ожидаемой. После прихода Красной армии в Прагу, в которой он остался для обеспечения сохранности института, Андреев был арестован органами СМЕРШ, два года находился в заключении, однако подозрения в сотрудничестве с гитлеровским режимом доказаны не были. В 1948 г. Н.Е. Андреев эмигрировал в Великобританию. Очевидно, меры предосторожности, предпринятые им в связи с юбилеем М.И. Ростовцева, оказались ненапряжными.

Библиография

- Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. «Все горе в звериной ненависти к византиноведению...»: В.Н. Бенешевич и Академия наук СССР в 1933–1937 гг. // Византийский временник. 2019. Т. 103. С. 314–340.
- Андреев Н.Е. То, что вспоминается: из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева (1908–1982). СПб., 2019.
- Бонгард-Левин Г.М., Бухарин М.Д., Тункина И.В. Скифский мир М.И. Ростовцева и Э.Х. Миннза // Парфянский выстрел / ред. Г.М. Бонгард-Левин, Ю.Н. Литвиненко. М., 2003. С. 477–545.
- Бонгард-Левин Г.М., Тункина И.В. Письма М.И. Ростовцева А.В. Тырковой-Вильямс и Г. Вильямсу // Скифский роман / ред. Г.М. Бонгард-Левин. М., 1997. С. 461–501.
- Дмитриев А.Н., Свешников А.В. Образование и наука // Всемирная история: в 6 т. 2-е изд. Т. 6. Кн. 1. Мир в XX веке: эпоха глобальных трансформаций / отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2019. С. 199–228.
- Клюев А.И., Свешников А.В. Миграция или эмиграция. О географической мобильности советских медиевистов в 1920–1930-е гг. // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2013. Вып. 45. С. 131–143.
- Ковалев М.В. «На этих съездах мы растем и своих, и в чужих глазах...». Из истории научных коммуникаций русской эмиграции (1921–1930) // Россия XXI. 2013. № 5. С. 84–107.
- Покивайлова Т.А. Информационная блокада региона: механизмы действия // Волокитина Т.В., Мурашко Г.Л., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953): очерки истории. М., 2002. С. 380–426.
- Янченко В.Д. Николай Карлович Кульман (к 135-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2006. № 5. С. 46–49.
- Bennett B.M., Hodge J.M. Science and Empire: Knowledge across the British Empire, 1800–1970. Basingstoke, 2011.
- Chakrabarti P., Worboys M. Science and Imperialism since 1870 // The Cambridge History of Science. Vol. 8. Modern Science in National, Transnational, and Global Context / eds H. Slotten, R. Numbers, D. Livingstone. Cambridge, 2020. P. 9–31.

³³ Покивайлова Т.А. Информационная блокада региона: механизмы действия // Волокитина Т.В., Мурашко Г.Л., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953): очерки истории. М., 2002. С. 380.

Coser L.A. Refugee Scholars in America. Their Impact and Their Experiences. New Haven, 1984.

Fátima Nunes M. de. The History of Science in Portugal (1930–1940): the Sphere of Action of a Scientific Community // E-Journal of Portuguese History. 2004. Vol. 2/2. P. 1–17.

MacLeod R.M. On Visiting the “Moving Metropolis”: Reflections on the Architecture of Imperial Science // Historical Records of Australian Science. 1982. Vol. 5. № 3. P. 1–16.

Petitjean P. Science and the “Civilizing Mission”: France and the Colonial Enterprise // Science Across the European Empires 1800–1950 / ed. B. Stutchey. Oxford, 2005. P. 107–128.

References

Ananiev V.G., Bukharin M.D. “Vse gore v zverinoj nenavisti k vizantinovedeniyu ...”: V.N. Beneshevich i Akademiya nauk SSSR v 1933–1937 gg. [“All Grief is in Animal Hatred to Byzantine Studies...”: V.N. Beneshevich and the USSR Academy of Sciences in 1933–1937] // Vizantijskii Vremennik [Byzantine Studies]. 2019. Vol. 103. S. 314–340. (In Russ.)

Andreev N.E. To, chto vspominaetsya: iz semeinykh vospominanii Nikolaya Efremovicha Andreeva (1908–1982) [What is Remembered: from the Family Memories of Nikolai Efremovich Andreev] / eds E.N. and D.G. Andreevs. 2nd ed. Sankt-Peterburg, 2019. (In Russ.)

Bongard-Levin G.M., Bukharin M.D., Tunkina I.V. Skifskij mir M.I. Rostovceva i E.H. Minnza [Scythian World of M.I. Rostovtzeff and E.H. Minns] // Parfyanskii vystrel [Parthian Shot] / eds G.M. Bongard-Levin, Yu.N. Litvinenko. Moskva, 2003. S. 477–545. (In Russ.)

Bongard-Levin G.M., Tunkina I.V. Pis'ma M.I. Rostovceva A.V. Tyrkooj-Vil'yams i G. Vil'yamsu [Letter of M.I. Rostovtzeff to A.V. Tyrkova-Williams and G. Williams] // Skifskii Roman [Scythian Novel] / ed. G.M. Bongard-Levin. Moskva, 1997. S. 461–501. (In Russ.)

Dmitriev A.N., Sveshnikov A.V. Obrazovanie i nauka [Education and Science] // Vsemirnaya istoriia: v 6 t. 2nd ed. Vol. 6. Kn. 1. Mir v XX veke: Epoha global'nykh transformatsii. [World History: in 6 vols. Vol. 6. World in 20th century: Epoch of Global Transformations] / ed. A.O. Chubaryan. Moskva, 2019. S. 199–228. (In Russ.)

Klyuev A.I., Sveshnikov A.V. Migratsiya ili emigratsiya. O geograficheskoy mobil'nosti sovetskikh medievistov v 1920–1930-e gg. [Migration or emigration. On the geographical Mobility of Soviet Medievalists in the 1920–1930s] // Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noj istorii [Dialogue with time. Almanac of Intellectual History]. 2013. Iss. 45. S. 131–143. (In Russ.)

Kovalev M.V. “Na etih s'ezdah my rastem i svoih, i v chuzhih glazakh...”. Iz istorii nauchnykh kommunikatsii russkoi emigratsii (1921–1930) [“At these Congresses we Grow both our own and in the Eyes of Others...”. From the History of Scientific Communications of Russian Emigration (1921–1930)] // Rossiya XXI. 2013. № 5. S. 84–107. (In Russ.)

Pokivailova T.A. Informacionnaya blokada regiona: mekhanizmy dejstviya [Information Blockade of the Region: Mechanisms of Functioning] // Volokitina T.V., Murashko G.L., Noslakova A.F., Pokivailova T.A. Moskva i Vostochnaya Evropa. Stanovlenie politicheskikh rezhimov sovetskogo tipa (1949–1953): ocherki istorii [Moscow and Eastern Europe. The Formation of Soviet-type Political Modes (1949–1953): essays on History]. Moskva, 2002. S. 380–426. (In Russ.)

Yanchenko V.D. Nikolai Karlovich Kul'man (k 135-letiyu so dnya rozhdeniya) [Nikolai Karlovich Kulman (on the 135th Anniversary)] // Russkii yazyk v shkole [Russian Language at School]. 2006. № 5. S. 46–49. (In Russ.)

Bennett B.M., Hodge J.M. Science and Empire: Knowledge across the British Empire, 1800–1970. Basingstoke, 2011.

Chakrabarti P., Worboys M. Science and Imperialism since 1870 // The Cambridge History of Science. Vol. 8. Modern Science in National, Transnational, and Global Context / eds H. Sloten, R. Numbers, D. Livingstone. Cambridge, 2020. P. 9–31.

Coser L.A. Refugee Scholars in America. Their Impact and Their Experiences. New Haven, 1984.

Fátima Nunes M. de. The History of Science in Portugal (1930–1940): the Sphere of Action of a Scientific Community // E-Journal of Portuguese History. 2004. Vol. 2/2. P. 1–17.

MacLeod R.M. On Visiting the “Moving Metropolis”: Reflections on the Architecture of Imperial Science // Historical Records of Australian Science. 1982. Vol. 5. № 3. P. 1–16.

Petitjean P. Science and the “Civilizing Mission”: France and the Colonial Enterprise // Science across the European Empires 1800–1950 / ed. B. Stutchey. Oxford, 2005. P. 107–128.